

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

НА ГОРИЗОНТЕ — МНОГОПОЛЮСНЫЙ МИР

ПРЕКРАЩЕНИЕ блоковой конфронтации при всем своем историческом значении автоматически не привело к торжеству демократических принципов в международных отношениях. Естественно, что окончание холодной войны стало отправным моментом продвижения к устройству стабильного и предсказуемого мира на глобальном уровне. Но одновременно резко расширилась зона региональных конфликтов, повсеместный шок вызвал взлет волны терроризма, сохраняется угроза распространения оружия массового поражения. Отход от идеологического и военно-силового противостояния, чем увенчалась победа над холодной войной, оказался явно недостаточным для того, чтобы нейтрализовать все эти опасности и риски.

После окончания холодной войны получила развитие тенденция перехода от конфронтационного двухполюсного к многополюсному миру. Резко ослабли центристские силы, притягивавшие значительную часть остального мира к каждой из двух сверхдержав. После распада Варшавского договора, а затем и СССР страны Центральной и Восточной Европы в своем преобладающем числе перестали ориентироваться на Россию, выступившую в качестве преемницы Советского Союза. Основательно ослабли связи России и с суверенными странами СНГ — бывшими частями практически унитарного СССР.

Одновременно, подобные тенденции, — правда, не такой силы и не в такой степени — развились вокруг США. Большую, чем прежде, самостоятельность начали проявлять страны Западной Европы, переставшие зависеть от американского «ядерного зонта». Их тяготение к «евроцентру» постепенно берет верх над трансатлантической ориентацией. На фоне быстро расширяющихся позиций Японии в мире ослабевают узы ее военно-политической зависимости от Соединенных Штатов. Характерно, что происходит процесс укрепления самостоятельности и тех стран, которые были дальше от эпицентра двухполюсной конфронтации, непосредственно не примыкали ни к одной сверхдержаве. В первую очередь этот вывод справедлив в отношении Китая, который достаточно быстро наращивает свой экономический потенциал.

Однако все это пока не позволяет говорить о том, что многополюсный мир уже сформировался, и самое главное, — что на смену системы баланса сил, на которой основывался миропорядок, уже пришло равноправное партнерство. При этом самым негативным образом продолжает сказываться инерционность политического мышления. Стереотипы, укоренившиеся за 40 лет холодной войны в сознании нескольких поколений государственных деятелей, пока не исчезли вместе с демонтажем стратегических ракет и уничтожением тысяч танков.

Следовательно, характер международных отношений на переходный период от конфронтационного к демократическому миру еще не определен. Между

---

* Опубликовано: *Международная жизнь*. — 1996. — № 10. — С. 3-13.

тем от того, каким будет этот характер, зависят способность и возможность преодоления новых опасностей, угроз и вызовов постконфронтационного периода.

УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ

ПЕРВОЕ. Нельзя допустить, чтобы место старых фронтов противостояния заняли новые разделительные линии.

Эта важнейшая задача, которую решает российская внешняя политика, предопределила наше четко негативное отношение и к идее расширения НАТО на пространство бывшего и уже распавшегося Варшавского договора, и к попыткам сделать этот альянс осью новой системы европейской безопасности. Конечно, мы далеки от мысли о том, будто расширяющаяся НАТО специально предназначена для удара по России. Но намерения в политике — переменная величина, в то время как потенциал — постоянная. Нелишне напомнить, что в 1989 — 1990 годах со стороны западных государств давались недвусмысленные заверения Советскому Союзу в том, что в случае объединения Германии НАТО не будет расширять сферу своего действия на Восток.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы подтверждают, что заверения о нераспространении НАТО на Восток давались и тогда, когда в практическую плоскость встал вопрос о ликвидации Организации Варшавского договора. Президент Франции Ф. Миттеран отмечал в беседе с М.С. Горбачевым 6 мая 1991 года: «Каждое из упомянутых мною государств (в беседе речь шла о Польше, Чехословакии и Венгрии) будет стремиться обеспечить свою безопасность путем заключения отдельных соглашений. С кем? Очевидно, что с НАТО. Это усилит ощущение изоляции и даже окружения у Советского Союза. Убежден, что такой путь не является правильным для Европы».

Заверение об отсутствии в НАТО планов присоединения стран Восточной и Центральной Европы к Североатлантическому договору в той или иной форме давали в 1990–1991 годах госсекретарь США Дж. Бейкер, министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд, да и ряд других руководителей государств, входящих в этот блок.

Что осталось от этих заверений сегодня? Причем, навряд ли кто-нибудь будет утверждать, что ситуация в Европе сегодня стала более тревожной по сравнению с тем временем, когда давались такие заверения.

Мы далеки от того, чтобы претендовать на право вето на вступление того или иного государства в НАТО. Однако мы твердо исходим из того, что приближение военной инфраструктуры НАТО к территории России, несомненно, осложнит для нас геополитическую обстановку, в том числе и в чисто военном плане.

Угроза новых разделительных линий проявляется не в одной Европе. Вполне понятная нетерпимость к экстремизму ряда исламских групп и течений не может перерасти в тенденцию зачислять чуть ли не весь мусульманский мир в стан противников современной цивилизации.

Россия выступает за то, чтобы решительно противодействовать экстремистским и террористическим силам. Особенно опасно, когда они пользуются государственной поддержкой, и нужно сделать все, чтобы ни одно государство ее не оказывало — этому нет оправданий. Очевидно, назрела необходимость разработки в рамках ООН универсальной, охватывающей все государства без каких-либо исключений конвенции, по которой лица, занимающиеся террористической

деятельностью, должны быть лишены права политического убежища где бы то ни было. Однако никакие санкции не должны быть ни средством наказания народов, ни орудием свержения правительств. История уже показала контрпродуктивность силовых приемов, применяемых с целью подавления неугодных режимов — вне зависимости от того, поддерживают они на деле деструктивные тенденции в международных делах или нет. Куда более эффективно приближать «свет в туннеле» к тем, кто осуществляет отход от экстремизма, на деле принимает вырабатываемые мировым сообществом нормы поведения.

ВТОРОЕ условие продвижения к новому миропорядку — освобождение от менталитета «ведущих» и «ведомых». Такой менталитет подпитывается иллюзиями того, что из холодной войны одни страны вышли победителями, а другие — побежденными. Но это не так. Народы по обе стороны «железного занавеса» общими усилиями избавились от политики конфронтации. Между тем менталитет «ведущих» и «ведомых» непосредственно подталкивает тенденцию к созданию «однополюсного мира». Таковую модель миропорядка не приемлет сегодня преобладающая часть мирового сообщества.

К тому же сегодня ни одно государство не обладает достаточной мощностью, чтобы в одиночку справиться с легионом проблем. А попытки навязать другим односторонние решения лишь провоцируют соперничество и в конечном итоге хаотичный, непредсказуемый дрейф международных отношений. Это худший рецепт для мира, в котором быстро растет экономическая, экологическая, гуманитарная взаимозависимость.

Третье условие — демократизация международных экономических отношений, одним из главных элементов которой является отказ от использования экономических средств в эгоистических политических целях. Практически всеобщему осуждению подвергся американский закон Хелмса — Бэртона о «наказании» тех, кто экономически сотрудничает с Кубой. Острая реакция на этот закон объясняется и тем, что создается опасный прецедент попытки придания внутреннему законодательству характера экстерриториальности. Аналогичное отношение у торговых партнеров с Ираном, Ливией вызывают попытки беспрерывного ужесточения их экономической блокады. Во многом искусственно сдерживается реализация резолюции 986 Совета Безопасности ООН — «нефть в обмен на гуманитарные товары» в отношении Ирака.

Нельзя не сказать и о том, что со времен холодной войны остаются в силе некоторые дискриминационные ограничения в торговле — в частности Россию все еще причисляют к странам с переходной экономикой, а это дает основание развитым странам применять к ней те правовые нормы, которые были выработаны для государств, имевших командно-административную систему управления хозяйством. Под предлогом «нерыночного статуса» российской экономики, (что уже не соответствует действительности), Запад осуществляет антидемпинговые мероприятия в отношении российского экспорта.

Наконец, четвертое условие успешного продвижения к стабильному миру — в скоординированности, «кооперативности» действий международного сообщества для решения по крайней мере следующих основополагающих задач:

- урегулирование конфликтов;
- новые шаги к сокращению вооружений и доверию в военной сфере;
- укрепление гуманитарного, а также правового компонентов безопасности;

— помощь и поддержка тем странам, которые по разным причинам испытывают трудности в своем развитии.

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ удалось ощутимо продвинуться в урегулировании региональных и локальных конфликтов: претворяются в жизнь мирные соглашения в Боснии, были достигнуты первые важные договоренности о путях к прочному миру на Ближнем Востоке, удалось обеспечить прекращение огня в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе. Несколько улучшилась ситуация в конфликтных зонах на Африканском континенте, достигнут серьезный прогресс в урегулировании «горячих точек» в Латинской Америке. Но прорыва к прочному миру практически нигде добиться пока не удалось.

Серьезную тревогу вызывает судьба ближневосточного урегулирования. Россия, один из коспонсоров мирного процесса, не может согласиться с тем, чтобы первые, так дорого давшиеся плоды мирных переговоров были принесены в жертву тактическим расчетам, внутривосточному маневрированию. Выполнение уже достигнутых договоренностей — единственно реалистичная база для сохранения мирного процесса. С учетом его неизбежной длительности, как уже показывает опыт, должна на деле осуществляться преемственность не только подписанных соглашений, но и состоявшихся договоренностей. Таким образом, «вертикаль» переговорного процесса должна быть обозначена непрерывной линией.

Что касается «горизонталей», то она обозначается продвижением по всем переговорным «трекам». Попытки резкого забегания вперед на одном из них при игнорировании необходимости позитивной динамики на другом не способствуют общему продвижению в урегулировании. И на палестинском, и на сирийском, и на ливанском направлениях можно добиться в настоящее время реального успеха, лишь основываясь на принципе «территории в обмен на мир», резолюциях СБ ООН 242 и 338, а для Ливана — 425. Жизнь уже доказала и другое: чем дольше искусственная пауза в мирном процессе, которая началась после прихода к власти в Израиле нового правительства, тем больше опасность отката к конфронтации. Когда молчат переговорщики, начинает просыпаться смертоносное оружие. Само открытие пресловутого туннеля в Иерусалиме, что больно ударило по религиозным чувствам мусульман и породило смертоубийственные столкновения, во многом стало результатом четырехмесячного интервала в мирных переговорах.

Мы ценим миротворческие усилия США, ЕС, Франции, Египта, других членов международного сообщества и выступаем за все более тесное партнерство в миротворчестве. Это самый эффективный способ помочь в строительстве мира на Ближнем Востоке. Ни по каким мотивам ни одно государство не должно пытаться монополизировать организационно-посредническую миссию в ближневосточном урегулировании. Напротив, скоординированные усилия могут дать наибольший эффект.

После выборов 14 сентября в Боснии и Герцеговине вступило в новый, чрезвычайно ответственный этап боснийское урегулирование. Перспективы прочного мира возросли, но не снят и риск срыва в новый виток вражды и конфронтации. Конечно, шанс на мир, созданный международным сообществом, должны в первую очередь использовать сами стороны, вовлеченные в конфликт. В то же время от ООН, ОБСЕ, членов Контактной группы и Высокого

представителя именно сейчас требуется справедливый, взвешенный подход к еще не решенным проблемам. Необходимо резко активизировать содействие в социально-экономическом восстановлении Боснии и Герцеговины, в создании условий для возвращения беженцев. Потребуется, видимо, достаточно продолжительное и масштабное международное военное и полицейское присутствие, в которое вносит свой вклад и Россия.

После снятия санкций с Югославии и боснийских сербов важно продолжить последовательную линию по вовлечению СРЮ в международную жизнь в качестве ее полноправного участника. Речь идет о восстановлении участия Югославии в работе Генеральной Ассамблеи ООН, ОБСЕ, других международных организаций.

Для того чтобы стабилизировать позитивные результаты окончания холодной войны, сделать их необратимыми, нужна, очевидно, новая **программа разоружения, безопасности и стабильности, обращенная в XXI век**. Непреходящее значение ядерного элемента этой программы бесспорно. Причем отдельные важнейшие «заделы» уже имеются. Разработан и принят к подписанию Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, путь к которому открыл именно наш мораторий на испытания. Не случайно Россия в числе первых подписала ДВЗЯИ. Считаем принципиально важным присоединение к договору всех стран, обладающих потенциалом создания ядерного оружия. В то же время должно быть четкое понимание того, что испытание какой-либо страной ядерного взрывного устройства в период до вступления договора в силу коренным образом изменит международную ситуацию, нанесет большой ущерб самому договору и может вынудить многих пересмотреть свое отношение к нему. Договор, как известно, поддерживается преобладающим большинством государств, но отдельные страны не скрывают своего негативного к нему отношения.

Внимание оппонентов договора может быть обращено на то, что он будет не только способствовать укреплению режима ядерного нераспространения, но и объективно стимулировать постепенный переход к ядерному разоружению на многосторонней основе — решению основной задачи в этой области в XXI веке. На это нацелено предложение Президента России Б.Н. Ельцина заключить Договор о ядерной безопасности и стабильности с участием всех ядерных держав. Мы предложили на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН всем заинтересованным государствам начать обмен мнениями по этому вопросу. Сохраняет актуальность и наше предложение вести дело к тому, чтобы ядерные арсеналы размещались только на территории соответствующих ядерных держав.

Укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения непосредственно зависит и от надежного пресечения незаконного оборота расщепляющихся материалов. Крупный вклад в решение этой проблемы внесла созванная по инициативе России Московская встреча «восьмерки» по ядерной безопасности. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний может стать серьезным импульсом и в деле реализации московских договоренностей.

Естественно, что следует продолжить работу по закреплению и выполнению уже действующих договоров о сокращении ядерных вооружений, а также приступить к выработке новых договоренностей такого рода. Эффективность этого направления во взаимодействии ядерных государств, в первую очередь России и США, будет во многом зависеть от того, насколько крепкой окажется база доверительного равноправного партнерства между ними. Это же относится и к международным договоренностям относительно других видов оружия массового уничтожения.

В деле стабилизации международных отношений в постконфронтационный период особое значение приобретает модернизация Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). С прекращением блокового противостояния, с учетом которого отработывался ДОВСЕ, необходима его адаптация с целью создания условий равной безопасности для всех участвующих в нем государств, непоявления новых разделительных линий в Европе, придания договору способности эффективно противодействовать современным вызовам безопасности в военной сфере. Модернизация договора должна включать в себя, среди прочего, установление новых пониженных групповых потолков, более низких предельных уровней для обычных вооруженных сил отдельных государств, введение зональных ограничений на размещение обычных вооруженных сил на иностранных территориях, обеспечение применимости ДОВСЕ в кризисных и конфликтных ситуациях. Немаловажное значение имело бы достижение договоренности по авиации двойного назначения.

В концепции международной безопасности одно из центральных мест принадлежало и по-прежнему принадлежит правам человека. В то же время законное стремление обеспечить эти права не может служить политической конъюнктуре. Это слишком деликатное поле для вторжения на него с целью политических спекуляций.

Во многих регионах мира обострилась необходимость защиты прав **национальных меньшинств**. Актуальность этой проблемы в сегодняшнем мире очевидна. Но сложность ситуации создает необходимость совмещения защиты прав национальных меньшинств с соблюдением принципа территориальной целостности различных государств. Россия ориентирует свою политику именно на такое совмещение. Это относится в полной мере и к странам Балтии. Признавая суверенитет этих стран, их территориальную целостность, Россия в то же время не может быть индифферентной к той дискриминационной практике, которая осуществляется в Эстонии, а также Латвии в отношении русскоязычного населения. Отдавая должное тому, что уже сделано для исправления этого положения, считаем необходимой более активную, систематическую работу ООН и других международных организаций по защите национальных меньшинств, в том числе в странах Балтии. Декларация прав национальных, языковых других меньшинств, принятая Генеральной Ассамблеей, должна стать нормой жизни всех государств-членов.

«ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ» — ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ

В НАИБОЛЕЕ выпуклом виде дилемма — идти вперед к демократическому миропорядку либо откатиться назад к блокам и коалициям — проявилась в Европе в связи с процессом создания новой системы безопасности.

Во время холодной войны стабильность на европейском — главном театре противостояния двух блоков, двух сверхдержав создавал, хотя и без надежных гарантий, баланс сил. Но уже в последние десятилетия холодной войны все европейские страны, США и Канада пришли к пониманию необходимости подписать хельсинкский Заключительный акт, основное предназначение которого было в фиксации государственных границ, образовавшихся в результате Второй мировой войны.

Сегодня нет баланса сил, порожденного противостоянием двух блоков, не в полной мере работают и хельсинкские соглашения. После окончания холодной войны в Европе произошел распад некоторых стран — Советского Союза, Чехословакии, Югославии. На их пространстве образовался ряд новых государств, и их границы не фиксируются, не гарантируются хельсинкскими договоренностями.

И сами события в Европе в постконфронтационный период диктуют необходимость нового механизма обеспечения ее безопасности. Как уже говорилось, на смену старым угрозам пришли новые. Причем некоторые из них проявляются в более опасной форме, чем в прежние времена, или достигли больших масштабов по сравнению даже с периодом холодной войны. Впервые за весь послевоенный период, то есть за последние полвека, на Европу распространилась зона региональных конфликтов. В ее центре разразился опаснейший югославский кризис. Остроконфликтные ситуации возникли и по южной дуге Европы — армяно-азербайджанская в связи с Нагорным Карабахом, грузино-абхазская, грузино-осетинская. Далекое не урегулированы и отношения Молдавии с Приднестровьем.

Открылись многие территориально-пограничные споры между государствами. Европа столкнулась с проблемой беженцев, сопоставимой по остроте разве что с периодом мировых войн. Страны-члены ОБСЕ приняли в последние годы около 4,5 миллиона людей, спасавшихся от конфронтации в Боснии, Абхазии, Нагорном Карабахе и других «горячих точках». На долю России приходится значительная часть этого потока — около 500 тысяч человек.

В таких условиях и началась работа над «архитектурой», моделью европейской безопасности. Представляется, что такая работа может включать в себя следующие взаимосвязанные задачи:

- определение групп угроз и вызовов, противодействие которым должно стать целью системы европейской безопасности;
- функциональное распределение международных организаций — как региональных, так и глобальных, — по своему профилю призванных противодействовать таким опасностям, между этими группами угроз;
- определение механизма, координирующего деятельность всех этих международных организаций и объединяющего их, таким образом, в систему европейской безопасности;
- выработка принципов, «правил поведения», на основе которых будет осуществляться такое противодействие.

Условно говоря, можно обозначить четыре группы угроз для Европы. Первая из них — глобальная, хотя после окончания холодной войны и гипотетическая, но тем не менее не утратившая полностью своего значения. Вторая — региональная — это локальные конфликты и кризисы. К третьей группе относятся «нетрадиционные угрозы»: распространение ОМУ, терроризм, организованная преступность. Четвертая — нарушение прав национальных меньшинств.

Модель европейской безопасности должна в той или иной форме опираться на все международные организации, действующие в сфере безопасности в Европе, — ООН, ОБСЕ, Совет Европы, НАТО в совокупности с «Партнерством ради мира, ЕС, дополненное ЗЕС, а также СНГ. И не просто опираться, а включать все эти организации в единую систему. Для этого необходимо проработать вопросы конкретного взаимодействия между этими организациями.

Нужны ли какие-либо дополнительные структуры? Будапештская встреча в верхах ОБСЕ пришла к выводу о том, что центральную функцию новой модели

европейской безопасности должна выполнять именно эта организация. У такого вывода серьезная логика. В активе ОБСЕ богатейший опыт становления и развития общеевропейского процесса, большие заслуги в налаживании диалога по укреплению доверия, развитию общения между государствами противостоящих друг другу лагерей во время холодной войны. Роль стабилизатора международных отношений на континенте ОБСЕ выполнила и в период бурных перемен в СССР и Восточной Европе конца 80-х — начала 90-х годов на начальном драматическом этапе отхода континента от блоковой конфронтации.

Но дело даже не только в ретроспективной оценке. СБСЕ и ОБСЕ оказались столь необходимыми для народов континента именно по причине их уникальных качеств. Прежде всего ОБСЕ — единственная действительно универсальная организация европейских государств. В ней к тому же воплощена и глубокая связь интересов государств Европы и Северной Америки. Далее. Это — организация, доказавшая свою способность к адаптации, развитию именно тех функций, которые необходимы европейскому процессу на каждом этапе его развития. И хотя не всегда такая адаптация идет достаточно быстро, она все же опережает темпы приспособления к новым реалиям многих других организаций, действующих в Европе. Наконец, ОБСЕ — это организация, основанная на принципе консенсуса, гарантирующего права всех входящих в нее государств, больших и малых.

Естественно, что выполнение роли ведущей организации в системе европейской безопасности не имеет ничего общего с командованием другими структурами или их дублированием. Вместе с тем координирующая роль обязывает ОБСЕ модернизировать свою деятельность и структуру.

А теперь — о некоторых принципах, на которые, как представляется, следовало бы ориентироваться при создании модели.

Должна укрепляться безопасность всех государств — членов ОБСЕ без исключения. Речь, строго говоря, идет не только о европейской безопасности, так как система учитывает интересы и Соединенных Штатов Америки, и Канады. Евроатлантический характер модели, безусловно, придает большую устойчивость безопасности. Но именно такой характер подчеркивает необходимость избежать включения в новую систему тех элементов, которые могли бы обеспечивать безопасность одних участников за счет других.

Модель должна предусматривать противодействие всему комплексу угроз. Что касается мер и механизмов ликвидации конфликтов, то модель безопасности должна быть сориентирована на действия на всех этапах, начиная с превентивной дипломатии и кончая «навязыванием мира». Однако модель европейской безопасности не должна «вбирать» в себя функции ООН. Мир сегодня сталкивается не только с попытками, но и с применением силовых методов в обход Совета Безопасности ООН. Продолжение такой практики может внести анархию, хаос в международные отношения. В случае перерастания конфликта в его активную фазу, включающую насилие, естественно, можно и должно предусматривать осуществление коллективных миротворческих акций и даже введение санкций. Однако соответствующее решение может быть принято только Советом Безопасности ООН.

Модель должна быть сориентирована на фиксацию и гарантию существующих государственных границ в Европе. Признание их незыблемости следует рассматривать как критерий для вхождения тех или иных стран в систему коллективной безопасности.

Другим критерием подобного рода является согласие участников системы с мерами доверия, с взятием на себя целого ряда обязательств в областях транспарентности, контроля, военных мер, включающих ограничения на передвижение вооруженных сил и вооружений через государственные границы, сокращение вооружений и т.д.

Коллективная безопасность, конечно, ни в коей мере не отрицает суверенного права любого государства, входящего в систему, на самостоятельные усилия по защите собственной безопасности.

Конечно, эти мысли не претендуют на полноту и завершенность. Но, на мой взгляд, они могли бы принести пользу при работе над новой архитектурой безопасности и сотрудничества.

Повторяюсь, такая архитектура рухнет, если в Европе появятся новые разделительные линии или в основу модели безопасности поставят не такую универсальную организацию, как ОБСЕ, а, скажем, НАТО, даже связав ее «особыми отношениями с Россией».

НАТО И РОССИЯ: «ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД к НАТО определяется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что эта организация была создана во время холодной войны для глобального противодействия Советскому Союзу; была сориентирована с самого начала на военную конфронтацию, и после окончания холодной войны еще далеко не трансформировалась. Во-вторых, в Москве понимают, что НАТО представляет собой реальную силу, причем появляются условия для изменений в характере альянса. С учетом такого двойственного понимания Россия не ограничивается позицией крайне негативного отношения к расширению НАТО, но готова вести продуктивный диалог со странами — членами этой организации для выработки устраивающих всех «правил поведения» на российско-натовском поле.

Можно, очевидно, говорить и о выработке документа, определяющего отношения России с НАТО. Однако его подписание не является для нас самоцелью. Этот документ не должен иметь чисто декларативный характер — скажем, провозглашать обязательство сторон не совершать нападение друг на друга, их согласие на взаимную транспарентность в военном строительстве и на меры доверия, способные служить развитию отношений.

Все это очень важно, но все это уже в той или иной форме декларировалось в документах, позволивших выйти из холодной войны. Сегодня такой подход уже недостаточен. Документ об отношениях России с НАТО должен содержать максимально возможную конкретику: развернутый мандат на переговоры по адаптации ДОВСЕ к современным условиям (о направлениях такой адаптации говорилось выше), характер, пределы, обязательность для исполнения и механизм взаимных консультаций и политических решений, направления и пределы участия России в военной инфраструктуре альянса и другое.

Конечно, такой документ не должен, с одной стороны, стать ширмой для расширения НАТО, и с другой — имитировать прием России в ее члены. Нам совершенно понятно, что разговоры о возможности вступления России в НАТО «лукавы», имеют пропагандистский характер. Если бы Россия в нынешних условиях подала заявку на вступление, то это было бы использовано с целью массивного расширения альянса на Восток, а России сказали бы (кстати, мы это уже слышали):

вы такая большая и такая сложная страна, что не можете быть принятой в альянс, который окажется не в состоянии обеспечивать вашу безопасность.

Представляется, что в настоящее время появляется понимание наличия трех главных проблем: трансформации НАТО, особых отношений России с этим альянсом и его расширения. Мы за последовательное их рассмотрение. И во всяком случае, против параллельности, которая, по нашему убеждению, явно служит абсолютно неприемлемой для России идее детерминированности содержания, сроков и условия расширения НАТО.

МИССИЯ ООН В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

ПРИ ВСЕЙ ВАЖНОСТИ двусторонних отношений и региональных организаций главным механизмом, способным обеспечить беспрепятственный переход от двухполюсного, конфронтационного к многополюсному, демократическому миру, является Организация Объединенных Наций. В период становления многополярной системы она призвана стать своего рода «страховой сеткой», сводящей к минимуму разрушительные последствия перемен и направляющей их в эволюционное демократическое русло.

Главной задачей ООН остается поддержание международного мира и безопасности. Причем основными в арсенале этой Организации должны быть политико-дипломатические средства мирного разрешения споров. Следует напомнить об этом потому, что в последние годы в стенах ООН стал проявляться своего рода «санкционный синдром» — стремление пошире и поактивнее применять санкции и другие принудительные меры, иногда при игнорировании все еще имеющихся политико-дипломатических возможностей. Мы убеждены: ООН должна применять **такие меры только в исключительных случаях**, когда все иные средства действительно исчерпаны.

В целом нужна модернизация санкционных механизмов ООН. Сегодня, например, не предусмотрена четкая процедура снятия санкций, а, как показывает опыт, это весьма важно. Гуманитарный ущерб от санкций, так же, как и ущерб для третьих стран должен быть сведен к минимуму.

И что очень важно подчеркнуть, ООН должна сохраняться в качестве единственной организации, дающей санкции на применение силовых методов. Любые подобные действия в обход Совет: Безопасности ООН необходимо полностью исключить.

Мы далеки от намерений превращать ООН в дискуссионный клуб. Но эта организация не должна оставаться в стороне от выработки предложений концептуального и конкретного характера, направленных на разработку основ урегулирования конфликтов, возникающих после окончания холодной войны, на развитие системы мирного разрешения споров с особым акцентом на предотвращение вооруженной фазы конфликтов, дипломатии национального примирения. Предметом результативного обсуждения могли бы также стать совершенствование правовых норм и практики миротворчества, включая регламентацию «принуждения к миру».

Жизнь требует новых подходов ООН к операциям по поддержанию мира. В воздухе уже витает прообраз пирамиды, определяющей отношения ООН с региональными организациями. Без развития таких отношений ООН может не выдержать бремени миротворческих действий. Но речь идет именно о пирамиде,

так как принципиально важно не нанести ущерба Совету Безопасности ООН, несущему главную ответственность за поддержание международного мира.

Сегодня мировое сообщество сталкивается и с необходимостью распределить ограниченные миротворческие ресурсы ООН сообразно реальной опасности конфликтов, их гуманитарным последствиям. Мы рассчитываем на значительно большее внимание ООН к конфликтам на пространстве СНГ. Пока здесь основную роль приходится играть России и ее партнерам по Содружеству.

В нынешних условиях Россия призывает ООН развернуться лицом и к афганскому конфликту. В этой многострадальной стране возникла действительно критическая ситуация, и нам следует сделать все, чтобы отодвинуть ее от грани распада. Афганская драма, так же как и непрекращающаяся череда внутренних конфликтов в Руанде, Либерии, — самый убедительный аргумент в пользу развития ооновской дипломатии национального примирения.

Чтобы справиться со всем этим, ООН сама нуждается в обновлении и адаптации к новым условиям. Реформы назрели, и это не одноразовое мероприятие, а процесс, который распространяется на всю систему ООН. Конечно, при реформировании этой организации следовало бы учесть необходимость сохранения преемственности. Естественно и то, что проводить преобразования нужно не путем поспешной перестройки институтов ООН, особенно Совета Безопасности.

Многое для реализации реформы ООН — и в плане оптимизации структуры и повышения эффективности — уже делается. Россия — за продолжение этой многотрудной и продолжительной по времени работы.

Сложный, во многом беспокойный мир передает «эстафетой» двадцатый век двадцать первому. Мы далеки от фатализма в оценке возможности того, что в новом веке международные отношения сразу приобретут стабильный и сбалансированный характер. Для этого потребуются, может быть, десятилетия и напряжение сил многих государств. Но мы остаемся историческими оптимистами в своих прогнозах.